

Эдуард Поздышев

Чёрная дыра

Цикл рассказов

16+

Эдуард Вячеславович Поздышев

Чёрная дыра.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29336801

SelfPub; 2020

Аннотация

Рассказы расположены в чёткой последовательности – так, что каждый следующий является продолжением предыдущего. Вместе они составляют одно произведение, которое, хоть и получилось фантастическим, но задумывалось скорей как философское. Вас ждет трудное, временами захватывающее дух приключение, в котором всё неоднозначно. В цикле автором поставлено много вопросов: о жизни и смерти, о свободе и несвободе, о вере и неверии и о цене молитвы. Не всегда смыслы лежат на поверхности, и автор не связывает своего читателя готовыми ответами, а оставляет ему простор для собственных размышлений и выводов.

Содержание

Следующая минута	4
На границах мгновений	15
В поющей тишине	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Следующая минута

Остановив автомобиль на обочине и выйдя из машины, чтобы пройтись пешком, перешагнув через что-то, во что уткнулись колёса моего авто, я отправился было в направлении, в котором не смог бы проехать автомобиль.

Впереди сквозь дождь и туман виднелась огромная, бесконечная лужа. И падая в неё, я не подумал, что тотчас промокну, подумав лишь, почему я падаю – мне показалось, что я поскользнулся на луже, словно на льду. Это так изумило меня, что, пропустив момент падения и в следующее мгновение увидев себя лежащим на траве, поразительно зелёной и чистой, я помнил только, как поскользнулся, совершенно будто позабыв про лужу. Нисколько не удивившись, что вижу себя со стороны, я машинально протянул руку лежащему и помог себе подняться. Поднявшись, вспомнил о луже, которую, может быть, видел во сне и потому, наверное, не удивился, что совсем не выглядел промокшим.

Более удивительным показалось мне, что куда-то исчезли сумрак и туман, и промозглый осенний дождь, и что ярко светило солнце, что не слышно было шума непрестанно проносящихся мимо по прогретому солнцем асфальту машин, и что вовсе не жарко мне было стоять в этой знойной тишине одетому в тёплую куртку. И удивительна была сама эта тишина. Казалось, она звенела: чуть слышно, неназойливо, при-

ятно. Похожий на стрёкот кузнечиков, но с явно приглушенным звуком, – как будто нарочно убавили, – этот звон был естественным и ненавязчивым, потому что казалось, что это звенел сам воздух и этот всё вокруг пронизывающий свет.

Я взглянул вверх. Небо было пронзительно синим и чистым, как на фотографии, сделанной в солнечный день где-нибудь на южном курорте. Я стоял под рекламным щитом, ярко освещённым всеобъемлющими лучами. Белое полотно сияло на фоне синего неба. И я успел рассмотреть надпись: "Место для Вашей рекламы." В следующее мгновение меня окликнули.

Обернувшись, увидел мужчину лет сорока, одетого в футболку, джинсовые шорты и обутого в сандалии. Он призывно помахал мне рукой и сказал:

– Пойдём!

И мы пошли вместе куда-то в сторону от шоссе.

Мне не хотелось вспоминать, почему мне знаком этот человек. Следуя за ним, я вспоминал лишь, как менее получаса назад уехал со службы. Мой шеф, человек спокойный и предусмотрительный, предложил мне уехать пораньше. Всё равно всем было не до работы. Все ждали, когда привезут зарплату. Все почему-то чувствовали, что сегодня уже не привезут, и потому томились в ожидании, и работа не шла на ум.

Мы продолжали идти по широкому лугу. «Кузнечики» преследовали нас повсюду.

– Куда мы идём? – спросил я.

– Домой, – коротко ответил спутник.

Луг был настолько огромен, что видневшийся вдали домик казался не выше травы, по которой мы шли. Я не мог отогнать от себя мыслей, что домик, наверное, стоит посередине этого бесконечного луга и что, поскольку луг бесконечен, то столь же бесконечным окажется и наш путь. Мы шли быстро, и я не переставал удивляться, почему я, одетый по-осеннему, находясь в самой гуще этого звенящего зноя, не ощущал духоты, не запыхался, дышал ровно и вообще не чувствовал дискомфорта. И даже спросил об этом у провожатого.

– Ты гость, – отрывисто произнёс мой спутник.

Мне вдруг подумалось, что ему всё равно, пойду я с ним или нет, и что если я остановлюсь, то он просто исчезнет в этой траве. Но я шёл за ним и уже бездумно слушал звенящих кузнечиков.

Вдруг на пути между нами и далёким домиком появился всадник. Сначала он стремительно пронёсся в нескольких сотнях метров перед нами, впрочем, нисколько не потревожив звенящей тишины. Затем, замедлив ход, повернул коня и неторопливо поскакал к нам навстречу. Но едва остановившись невдалеке от нас, тотчас метнулся в сторону и ускакал. Ещё издали я сразу увидел, что это девушка и, по-видимому, совсем юная – на ней было пёстренькое цветастое платье, а на лошади отсутствовало седло. Однако, как ни старался,

я не смог разглядеть лица наездницы.

Заметив моё изумление, спутник очнулся от своего впечатления, в котором, казалось, пребывал на протяжении всего пути, и проговорил:

– Это моя первая любовь. Я не успел написать её портрет. Я часто рисовал её лошадь, её платье, её ласковые руки, такие живые... Её красивые волосы.

В стороне от нас вновь проскакала юная всадница, её красивые пышные волосы развевались на ветру. Она проскакала ещё раз и ещё, а потом ярко-белая лошадь растворилась вместе с седоком в сине-зелёном горизонте бескрайнего луга.

– Так вы художник? – спросил я после нескольких минут тишины, и уже немного привыкнув к незримому присутствию всадницы.

В ответ лишь прозвенели кузнечики.

Тем временем домик на пути чуть подрос, и над знойно-зелёной равниной всё отчетливей вырисовывалась его крыша. По мере приближения к нему я стал различать что-то, что увиделось мне под крышей и от чего я уже не мог оторвать взгляда.

– Это был самый лучший рисунок в моей жизни, – прозвучал рядом подавленный, исполненный горечи голос.

И как будто замолкли кузнечики. Я перевёл взгляд на спутника и увидел перед собой жёлто-коричневое морщинистое лицо под пепельно-серой копной нечёсанных грязных волос. От вонзившегося в меня едкого пытливого взора мне

стало не по себе. Я зажмурился и весь сжался от внезапно охватившего меня ужаса. Множество каких-то ненастных воспоминаний нахлынули на меня разом, я снова почувствовал, как падаю в огромную лужу, но теперь уже мне было страшно промокнуть, захлебнуться; я ощутил вдруг приближение неминуемого наказания, прежде смутно угадываемого, но непременно долженствующего совершиться над мной именно в эту минуту.

Я очнулся лежащим на траве, поразительно зелёной и чистой. По-прежнему безропотно звенела тишина. Я вскочил на ноги и огляделся по сторонам. Мой спутник безмятежно продолжал идти к дому. Я отставал лишь на несколько шагов.

– Что это было? – вскричал я.

Спутник оглянулся и призывно помахал рукой. Облик у него был прежний. Его лицо с чистой кожей было гладко побрито, а аккуратно подстриженные волосы обрамляли чуть загорелую лысину.

Дальше на протяжении почти всего пути моё внимание было занято только спутником. Я даже позабыл про то, что так заинтересовало меня в виднеющемся вдали домике. Смутное чувство неясной вины, вызванное внезапным видением, печальная реплика, брошенная моим провожатым, шквал воспоминаний, обрушившихся на меня, и эта поминутно отгоняемая тягучая мысль, почему я мог знать раньше этого вроде бы и незнакомого мне прежде человека, пресле-

довали меня всю дорогу. И, напряжённо думая о напугавшем меня лице, я вдруг вспомнил про одного художника. Вернее, я точно не знал, что он был художником. Всего-то показался похожим. Растрёпанные седые волосы, жёлтое морщинистое лицо и борода – всё это, конечно же, не могло подтвердить мою догадку. Просто я был тогда в приподнятом настроении и подвёз заблудившегося и изнемогавшего от усталости и похмелья дурно пахнущего мужика. Я отогнал от себя и это воспоминание. Но беспокойство не проходило. И чем ближе я подходил к этому, на вид сорокалетнему, выглядевшему вполне ухоженным человеку, тем всё более тревожные и безотчётные мысли принимались будоражить моё сознание. И я не знал, о чём спросить его, чтобы как-то успокоить свои мысли. Поэтому спросил лишь:

– Как тебя звать?

– Колян, – ответил ухоженный мужчина.

– Послушай, Колян, – решился я спросить, – мы с тобой были прежде знакомы?

– Может, и были, – монотонно отвечал Колян.

– Расскажи что-нибудь о себе, – попросил я.

– Её спроси, она расскажет, – сказал Колян.

– Кого?

– Жену мою, она любит обо мне рассказывать, – не поворачиваясь в мою сторону, всё тем же тоном произнёс мой собеседник.

– И где же она? – поинтересовался я.

– Там, – Колян показал пальцем в сторону домика.

Невольно я взглянул чуть пристальней в ту сторону, куда указывал мне спутник. И словно остолбенел от увиденного. Я встал как вкопанный и с минуту не мог заставить себя сделать хоть шаг. Я весь обратился во взор. Мой взор был так напряжён, что, казалось, для того, чтобы рассмотреть и понять увиденное, он вытягивал силу из всего моего существа. И как будто снова примолкли кузнечики, как будто тишина вдруг опрокинулась и всем своим содержимым, растекавшимся доселе по округе приятным мирным благозвучием, внезапно превратившись в хаос, стихийно выплеснулась и на минуту разразилась в моей голове неестественным звоном. Будто на минуту включили звук на полную мощность. И именно в эту нестерпимую минуту всё великолепие сине-зелёного горизонта разверзлось мгновенно охватившим и приковавшим мой взор ужасающим зрелищем. Там, на месте видневшегося издали укромного домика, выползла из травы косматая голова. А немигающий пристальный взгляд её направлен был на меня. И эта внезапно возникшая голова напомнила мне так напугавший меня недавно старческий облик моего спутника. И чтобы как-то избавиться от этого навяздения, и от этого пронзительного звона, я замер и крепко зажмурил глаза.

Когда же страшная минута миновала, я вновь открыл глаза и почувствовал, что снова способен идти. Я шёл на несколько шагов позади Коляна. Но у меня не было мыс-

ли убежать. Теперь мне уже сознательно хотелось завершить этот переставший быть предсказуемым путь, чтобы понять причину своей тревоги и чтобы кузнечики больше не смолкали. Я помню, что именно о кузнечиках я и думал, решаясь продолжить свой путь. И единственное, что я не в силах был себе позволить, это ещё раз посмотреть в ту сторону. Я шёл и смотрел перед собой. И ещё я думал об огромной луже из недавнего сна. Была ли эта лужа сном, и не сон ли этот луг, и это небо, и это звенящее солнце? Но я смотрел на своего провожатого, и его безмятежный вид теперь успокаивал мои тревожные мысли.

И туда, куда я больше не решился посмотреть, я взглянул лишь тогда, когда путь был завершён. Из оцепенения меня вывел ставший вдруг звонким и выразительным голос Коляна.

– Посмотри, ну посмотри же... Смотри, – громко восклицал он, указывая руками куда-то вверх, – это лучшая картина в моей жизни!

Мы стояли перед домом. Я поднял глаза и увидел лик. Над окнами, под самой крышей был нарисован красками лик Спасителя. И тут меня осенило, что за косматую, грязную гриву волос, взлохмаченную на испугавшей меня гигантской голове, показавшейся было издалека, я принял эту чёрную прокопчённую крышу старого дома. И что пронзительным взором, сразившим меня издали, вовсе не был взор чудовища.

Я смотрел на нарисованный лик и слушал приятно звенящую тишину. Я слышал звуки жизни, раздававшиеся откуда-то из дома. Не отрывая глаз от лика, я спросил хозяина об этих звуках. И Колян проговорил в ответ, но уже не таким тоном, каким говорил об иконе:

– А-а! Это моя Зинаида. Её я рисовал в избе.

В окне промелькнул и исчез женский силуэт.

Но пока я стоял и смотрел на икону, Колян оставался в приподнятом настроении. А я вдруг подумал, что вот он – конец пути, и что кузнечики больше никогда не умолкнут. И что теперь даже время бессильно потревожить вечную тишину.

Но они умолкли.

Они умолкли, когда наступила следующая минута. Она наступила, как в неумолимо движущемся людском потоке наступают на пятки впереди идущим.

И в эту минуту я вспомнил. Вспомнил, где и когда я видел этот лик, именно этот, потому что именно таким я видел его единственный раз во всей моей жизни. И я понял, что другого такого не увижу больше никогда.

И смолкли кузнечики. И взгляд у Коляна стал беспокойным, а голос его задрожал во внезапно возникшей глубокой и непроницаемой тишине:

– Э-э... Слышь... С-слышь...

И тотчас замерли в доме звуки жизни. И заметно поблёкла трава под ногами. И тучами заволокло небо. Но я уже был

охвачен азартом. Я спешил, чтобы успеть до темноты. Я отбежал на такое расстояние от дома, чтобы получше его рассмотреть. И в следующую минуту я узнал и сам этот дом. Когда-то, много лет назад, я каждый день проезжал мимо него на машине. Он стоял недалеко от дороги окружённый деревьями, и сквозь чащу деревьев на проезжающие мимо автомобили, на спешащих по делам прохожих, на всю эту мельтешащую рядом суету городской жизни спокойно взирал этот лик. Но только того дома давно уже нет. Уже несколько лет как он сторел. Тем случаем занимались в нашей конторе. Потом ещё к нам приходила женщина из церкви по поводу какого-то погорельца-художника. Вроде бы снарядили для него вагончик – наверное, для того, чтобы можно было отстроиться заново. Но, кажется, он так в нём и ютился. А после окончательно спился и бомжевал.

Тьма опустилась на дом и на луг. Внезапно обрушился назойливый мелкий дождь, словно кто-то поспешил исчеркать всё вокруг. И в стремительно поднимавшемся тумане совершенно исчезла видимость чего бы то ни было. И затерялся во мгле крик Коляна, из последних сил извлечённый где-то старческим надтреснутым голосом:

– Костями-и здесь лягу-у... Костями-и-и...

Сквозь туман и дождь лишь виднелась сплошная огромная лужа. Шагнув в неё, я понял, что падения в неё не миновать. Я сделал рывок, чтобы пробежать как можно дальше, пока не упаду. Но в следующий миг вдруг очутился за

рулём своего авто. И почему-то не удивился, что вижу себя со стороны. И хотя в этот раз я не смог протянуть руку, чтобы помочь себе, но не успел и напугаться. Страшно напугана была Зинаида, сидевшая рядом. Но уже за мгновение до того, когда ещё она нахваливала какой-то гарнитур из комиссии, я слушал звенящую тишину и знал, что это мгновение последнее. Моё тело успело среагировать, нога застыла на педали тормоза.

Мне показалось, что я очнулся на обочине. Выйдя из автомобиля, чтобы пройтись, я перешагнул через что-то, во что упёрлись колёса моего авто. На тротуаре повстречал старого знакомого, сотрудника полиции, который разыскивал какую-то женщину из церкви, для того чтобы она смогла опознать тело одного безродного бомжа, сгоревшего на днях в каком-то вагончике.

– Собственно, и опознавать-то нечего, – устало посетовал полицейский. – Жалкое зрелище – кучка обгоревших костей.

Я тотчас понял, о ком речь, и обещал поспособствовать в этом деле. На ступеньках в контору я встретился с шефом.

– Вернулся, – равнодушно обмолвился шеф. – Зачем? Сегодня здесь уже нечего делать.

– Так... По службе...

– А... Ну-ну... Ну, бывай, хм, служивый!

На границах мгновений

Мой шеф, человек сдержанный, с не злыми, часто насмешливыми, но будто бы всё понимающими глазами, конечно, не мог всерьёз относиться к потустороннему. Было заметно, как он всячески избегал разговоров на данные темы, предпочитая в таких случаях в ответ навязывающемуся в собеседники отвешивать весьма остроумные шуточки, выказывая умение сначала терпеливо подыграть рассказчику, а после неожиданно припечатать, искусно подловив его на каком-нибудь слабом месте. Бывало, правда, он и сам невольно становился инициатором таких разговоров, что случалось редко – обычно когда шеф был не в духе и, поддавшись настроению, находил из тех, кто позагадочней, объект для своих отточенных, но, в сущности, не сильно ранящих насмешек. Вроде бы и умел остановить свой пыл вовремя, но поскольку чаще других таким объектом оказывался я, то, пожалуй, лишь со мной он позволял себе распалиться. Так было поначалу. И всё из-за того, что я ему не признался.

Я не решался говорить об этом с кем бы то ни было, тем более в конторе. И даже не сказал Зинаиде. Так что потом, когда вовсе перестал её слышать, она просто вышла и закрыла за собой дверь.

На службе же началось с того, что я перестал слышать на-

смешки шефа; он отстал, и все сотрудники словно перестали меня замечать. Я будто освободился от невыносимой тяжести и, с головой погрузившись в работу, казалось, не только научился искусству быть здесь и сейчас, а обрел способность проникать сквозь мгновение и задерживаться на границе, отделяющей один миг от другого. Это позволило мне перемещаться – не то чтобы в пространстве, а скорее в том, к чему приделано и пространство, и время, к чему не в силах прикоснуться ничто из того, что изменчиво, из того, что меняется в мыслях, и в чувствах, и в настроениях, из того, что может остановиться и исчезнуть. Однако, предполагая, что всё это мне мерещится, я, чтобы не прослыть за сумасшедшего, предпочитал об этом молчать.

И боялся подумать о страшном. Не из малодушия, а потому, что не мне было страшно. Страшно было тем, кого я видел. И, собственно, если и говорить о страшном, то не было ничего страшнее того, видеть что я ещё не утратил способности. И для того, чтоб утратить её окончательно, мне только оставалось решиться. Но я всё не решался, и потому, кроме изменений, произошедших со мной вначале, не происходило ничего.

Сначала перестал видеть пыль. Она пропала из комнаты, где я жил. Её не стало видно на полу: ни под креслом, ни даже под диваном. Исчезла она и с книжных полок. Я до одури дул на книги, барабанил по спинке кресла – её не было. В конце

концов я выволок на улицу палас, чтобы вывалить его в земле, но не нашёл и земли. Везде, куда бы я ни тащил свой палас, появлялась тротуарная плитка – десятки, сотни метров. От неё исходила испарина – на глазах испарялись то и дело появлявшиеся на ней водяные разводы. Может быть, только что прошёл дождь, и теперь ярко светило солнце, знойный свет которого тотчас вбирал в себя влагу. Но за полчаса моих скитаний по улице я не ощутил ни единой капли и вовсе не ощущал этих знойных лучей. Потом, вслед за спрятавшимися дождём и солнцем, окончательно пропали из видимости и последние островки земли, которые я смутно ещё мог различать сквозь запотевшие линзы очков. Эти островки по минутно возникали где-то вдалеке, но у меня никак не получалось сосредоточить на них взгляд. Я всматривался вдаль – и перед собой, и вокруг, – но везде оказывалась лишь эта злосчастная плитка. Тогда я сорвал с глаз очки и с размаху швырнул их об плитку. Очки тотчас расплавились и исчезли. В глазах нарастала нестерпимая резь; слезы наворачивались, но не появились, даже когда я попытался их вызвать искусственно. Машинально взглянул на палас – почему же он не расплавился? И захотел разуться, чтобы пройти босиком по странному чудо-асфальту, но почему-то так и не сумел разглядеть ботинок. А увидел, как мои ноги постепенно утопают в резком свете, исходящем от тротуара, разросшегося до огромной площади. Из видимости почти совершенно исчезли здания и деревья. Площадь покрывалась туманом из

света. Резко оглянувшись, смог различить лишь ступеньки подъезда своего дома. Я метнулся туда и не помню, как снова очутился в квартире.

Я сидел в своём кресле и смотрел на пол, на котором не было пыли. Помню, мне всё не хотелось смотреть туда, где остывал палас. Вспомнив же про ботинки, тотчас взглянул на ноги. На босых ногах были домашние шлёпанцы.

С тех пор я каждый раз выходил на площадь. И шёл по вымощенной тротуарной плиткой площади, пока не оказывался, где нужно. Помню, как вышел в первый раз – поздним вечером того же дня. И ощутил свежий запах вечерней прохлады. В свете ночных фонарей я видел, как с деревьев падали жёлтые листья. И помню, что отчётливо видел машины, по обыкновению стоявшие у подъезда. Это длилось минуту. Потом машины пропали. Пропали куда-то деревья и листья. Пропала осень, и вечер, и фонари. И дом, в котором я жил, очутился посередине огромной площади. Сразу же стало светло как днём. И, не успев насладиться вечерней прохладой и осмыслить произошедшие изменения, я вспомнил, зачем вышел. Мне нужно было идти на службу. Не раздумывая, я отправился напрямик, туда, где только что стояли машины и деревья. Я слышал звуки города, голоса людей, гудение работавших двигателей. Но поначалу моё внимание сосредотачивалось лишь на плитке. Она всегда выглядела ослепительно чистой и немного влажной, как выглядит совсем недавно вымытый пол.

В конце пути всякий раз оказывался у ступенек, ведущих в контору, где я служил. Здание, в котором находилась контора, тоже стояло посередине площади. Но в остальном там всё оставалось по-прежнему. Те же сотрудники приветствовали меня. Тот же шеф, всё та же скучная работа, но только то, что прежде в ней так тяготило, теперь не казалось обременительным. Я как бы постоянно ощущал себя в одиночестве и вскоре настолько свыкся с этим, что не слышал почти ничего, что не относилось к работе. Конечно, отвечал и на вопросы, не относящиеся к работе, но забывал о них сразу после очередного лаконичного ответа. Вскоре меня перестали о чём-либо спрашивать и, казалось, перестали и замечать.

И ещё. Даже когда я оказывался дома, теперь это случилось в то время, когда в квартире никого не было, кроме меня. Я проходил в свою комнату и подолгу сидел в кресле. На мне опять были шлёпанцы. Я заметил, что теперь мне не надо переодеваться. Теперь, когда я выходил из дома, на мне всегда был мой служебный костюм. А когда возвращался в комнату, оказывался в домашней одежде. И первое время, помнится, всё думал, какая же удобная у меня теперь жизнь. Я совершенно не помню, что ел, где и когда засыпал и просыпался, да, собственно, и не уверен, что всё это имело тогда место в моей жизни. Может быть, и было, но вряд ли являлось чем-то значимым. Я хорошо помню лишь то, как выходил на площадь, как шёл по площади – из дома на службу и обратно. Должно быть, это было важным дополнением к

тому, чтобы сидеть в кресле в своей комнате и размышлять. Конечно же, размышлял и о том, зачем всё хожу по одной и той же дороге. И размышлял до тех пор, пока в жизни моей не произошло ещё что-то.

Однажды, после того как в мою комнату постучались, я перестал ощущать одиночество. Я знал, что это вернулась Зинаида, и с тех пор всегда стал чувствовать в квартире её присутствие. Тогда и начал выходить на площадь, вне зависимости от основного пути. И подолгу бродил, прислушиваясь к городскому шуму и размышляя об этих звуках. Однако всякий раз дорога снова возвращала меня либо к дому, либо к месту службы. Пока однажды не заблудился.

Помню, как это случилось в первый раз. После я уже не обращал внимания и относился к этому как к чему-то обычному.

Тротуарная плитка закончилась. Споткнувшись о бордюр и едва удержавшись, чтобы не упасть, я очутился на обочине шоссе. И в следующее мгновение уже ехал за рулём автомобиля такси. Меня остановила голосовавшая у дороги женщина с двумя увесистыми сумками. Не дав мне успеть выйти из машины, чтобы помочь ей усесться, она сама открыла пассажирскую дверь и, поставив обе сумки на сиденье, махнула рукой, сказав лишь, чтобы я ехал дальше, и за что-то поблагодарив. Затем, ничего толком не объяснив, тотчас же захлопнула дверь и налегке, быстрым шагом удалилась.

А ещё через мгновение я подъезжал к подъезду своего дома. Это был первый раз за много дней, когда я приехал домой на машине. Помню ещё, что, выйдя из автомобиля, попал под промозглый осенний дождь. Когда же очутился в квартире, обнаружил, что намокшие сумки стояли на кухонном столе. Сумки были набиты разнообразной едой. Вот только не помню, когда, и сам ли ел всё это, или распорядился продуктами как-то иначе.

И тогда я так и не вспомнил, где мог видеть раньше эту женщину и тем более чем же успел ей помочь. Не припомню, чтобы она обращалась в нашу контору. Но после я встречал её постоянно. Не то чтобы виделся или разговаривал – видел скорее мельком, но часто слышал её голос, безошибочно распознавая его среди многоголосого шума. И уже не мог отделаться от незваных мыслей, всякий раз навеваемых настырными, столь неожиданно и вероломно настигавшими меня её короткими, всегда до крайности возмущёнными, отчётливо врезавшимися в мой мозг фразами. И с каждым днём этот шквал бесчисленных «доколе», «почему», «за что» и «зачем» обрушивался на меня всё чаще и напористей, и потому только через довольно продолжительное время я научился не придавать этим мыслям и словам значения, свикнувшись с ними, как с неким неизбежным фоном, подобным шуму ветра или прочим окружающим звукам.

С тех пор почти каждый раз, в мгновения незапланированных блужданий по площади, когда заканчивалась плит-

ка, я садился в авто и куда-то ехал, чаще за рулём, порой на попутке, иногда на городском транспорте. Вскоре всегда оказывался в каком-нибудь многолюдном месте – в торговых комплексах, кинотеатрах, на площадях и проспектах. Ко мне подходили разные люди, о чём-то рассказывали, давали какие-то вещи – которые непременно после я находил в своей комнате, – всегда предлагали о чём-то подумать, что-то посмотреть в интернете. И вновь оказываясь дома, в своей комнате, в привычном своём кресле, я всякий раз включал компьютер, смотрел, размышлял, а после отправлялся на службу. В конторе ко мне тоже подходили, и я рассказывал, о чём размышлял, и пересказывал то, о чём узнал в интернете.

Позднее не требовалось уже и авто. Я сразу оказывался там, где меня ждали, и мне ни к чему уже было блуждать по площади. Тогда-то и вовсе перестал замечать плитку. Мгновения почти без перерыва следовали одно за другим, по необходимости растягиваясь на такое время, какое мне нужно было для размышлений. Такие мгновения я проводил в своём кресле – это были лучшие мгновения, мгновения поющей тишины, когда смолкали голоса и гамы города, и тишина вокруг приятно звенела, и пели мысли под это звучание.

Не помню, когда и как это произошло. Точнее, не то чтобы произошло, но стало вдруг так, что осталось лишь кресло – единственное, что я мог осязать. И не то чтобы всё осталь-

ное исчезло; казалось, что всё оставалось на прежних местах, и даже не суть, что на прежних – скорей, на своих. Но как-то так сложилось – как будто меня убедили, что в одночасье всё это мне стало не нужно. Причём не нужно – не значит не обязательно. И дело, наверное, вовсе не в этом, а в том, что на миг мне подумалось не о важном, и, должно быть, тот миг неоправданно затянулся. И я отчётливо запомнил, как долго, бесконечно долго я думал о том, как удобно мне в кресле. Помню, мне было уже всё равно, где найду его в следующую минуту – в комнате места оставалось всё меньше и всё больше появлялось вещей, так что, подумав об этом, я думал о кресле как о самом подходящем месте для такой вещи, как я. И с тех пор постоянно мог ощущать себя в этом месте – пожалуй, единственное, что я мог сознательно ощущать.

И где следовало, я оказывался теперь, тотчас поднявшись с кресла. И уже не столь важно, где – в конторе ли, дома или на улице – лишь бы в месте, где было удобно думать, потому что только это теперь имело значение для меня, хотя, казалось, не столько, сколько для тех, кого мог ещё видеть. И ещё стало казаться, что время и пространство, мелькающие в вихре мгновений события, сменяющиеся ландшафты, явления природы, звуки, лица, слова и фразы утратили своё прежнее значение, как перестали быть осязаемыми ставшие ненужными вещи, как потерял всякий смысл интернет, как словно слились воедино работа, досуг, моя комната и тротуарная плитка.

Вскоре же для того чтобы видеть и слышать, мне было необходимо оставаться на месте. И место, и я превратились во что-то нерасторжимое. И лишь прекращался поток мыслей, как сразу же мгновения жизни – моей и всех, кого мог ещё видеть, – а также бурление звуков большого города лишались границ, расплываясь и ускользая от моего внимания. А стоило мыслям воспрянуть, как тотчас будто всё замирало, безропотно подчиняясь звучанию тишины.

И думая о тех, кого мог ещё видеть, не зная, замечали ли они мгновения жизни и что слышали под шум большого города, наверное бы решил, если б не журчание тишины. Но всё же перестал видеть и в ответ на вопросы лишь поудобнее располагался в кресле. Брызги вопросов окатывали меня, словно вызванные промозглым осенним дождём. И как под листьями, опавшими с давно исчезнувших деревьев, под горами ненужных вещей иссякла площадь.

Помню лишь насмешливое и чем-то озадаченное лицо шефа.

– А знаешь, – сказал шеф, вопросительно взглянув мне в глаза, – я не нашёл твоей могилы.

Очнулся от того, что продрог. Опять уснул в кресле, да ещё с открытым окном. Кутаясь в плед, подошёл к окну, чтобы закрыть его. На улице с парковочных мест разъезжались машины, усыпанные последней листвой. В числе других я заметил мужчину, лет сорока, усаживавшегося в одно из ав-

то. Он занял пассажирское место. С высоты десятого этажа я едва успел его разглядеть – чуть загорелую лысину обрамляли ровно подстриженные волосы, – он был не похож ни на кого из моих соседей.

На водительское место усаживалась женщина, напомнимшая мне мою Зинаиду.

Я слышал звуки большого города.

Как будто не было поющей тишины.

Хороший водитель Зинаида! Люблю наблюдать за ней, когда она за рулём, её задумчивый вид. Машиной она управляет спокойно. Авто движется плавно. Приятно ехать в новом автомобиле, посиживая себе сзади в удобном кресле, не думая о дороге и предаваясь незначашим мыслям. Например, сравнивать машину с молодым и крепким конём, подчинившим свой нрав умелому всаднику.

Мы ехали долго. И, подобно коню, умиравшему ход в такт спокойных раздумий наездницы, изменился и я. И привычным движением ладони поправил съехавшие на глаза волосы. Встрепенулся, опомнившись, и, машинально ощупав голову, не обнаружил лысины. Но, едва смутившись этим обстоятельством, сразу забыл о нём, как только увидел себя со стороны, сидящим в кресле на берегу реки. Кресло из нашей комнаты – откуда оно здесь? Надо мной шелестят листья деревьев. Одет я в чёрное долгополое пальто, напомнимшее платье одной знакомой. Как-то, будучи в командировке, хо-

тел снять комнату в её доме. Она представилась Клеопатрой. Но передумал из-за вывески с пугающей надписью «Ясновидящая». Теперь же, словно увидев себя в этом платье, сконфузился, впрочем, не столько от своей внешности, сколько от воспоминания. Новая одежда в сочетании с моим обликом выглядит вполне гармонично. А бледное задумчивое лицо, в обрамлении колышущихся на ветру тёмных локонов и переливающихся на солнце чёрных одежд сродни лику какого-то сказочного существа.

Вспомнив о Зинаиде, хотел рвануть со всех ног на её поиски. Но, оставаясь в кресле, лишь медленно поднимаю голову и со спокойной невозмутимостью оглядываюсь по сторонам.

В следующее мгновение уже сижу за рабочим столом в конторе. И через миг стою на шумной площади, с уверенностью сознавая, что жду кого-то, кому должен помочь. Кому-то машу рукой и говорю:

– Пойдём!

И мы идём по бесконечной мостовой.

Мой спутник то и дело о чём-то спрашивает. Я тщетно силюсь его услышать и, вероятно, из-за этих усилий вдруг начинаю чувствовать холодные уколы дождя. Попутчик постоянно обо что-то спотыкается, я вижу, как ему трудно, но сам не в силах даже повернуться, чтобы его поддержать. И зная, что должен идти, бездумно шагаю с привычной лёгкостью, понимая при этом, что лёгок путь лишь в один ко-

нец. И странно – передвигаясь, я словно продолжаю стоять на площади, и снова, и снова, и в то же время каждый раз заново, встречаю и провожаю, встречаю и провожаю и, всякий раз следуя в новом направлении, проделываю всё это одновременно. Оттого, не думая, о чём хочется, оказываюсь всё дальше от Зинаиды. На мгновение пробую остановиться и тут же обнаруживаю себя за офисным столом в просторном кабинете. Но мне невыносимо тесно – мгновение давит от невозможности закончить работу. И я уже боюсь этой замкнутой бесконечности, как, может быть, сказочный джин боится своего кувшина.

И спрашиваю себя, но слышу уколы дождя. Снова спрашиваю, и снова, и снова. И, не слыша собственного голоса, отвечаю на свой же вопрос:

– Как удобно сидеть в кресле на берегу бесконечной реки! Рядом моя Зинаида! И очень-очень длинная дорога! Как же плавно скользит по ней наше авто!

И отчётливо слышу:

– Пойдём!

– Ты что-то сказала? – спросил я.

Нажав на кнопку стеклоподъёмника, выглянул наружу – ещё ехать и ехать. И, чтобы отвлечься от поглотивших ум мыслей, взглянул на Зинаиду.

Спокойную гладь реки всколыхнули попадавшие в воду листья.

В поющей тишине

Брошено авто на полдороге. Пустует удобное кресло.

– Понимаете... Так мало времени...

– Конечно, понимаю, – улыбнулся священник. – Должно быть, поэтому вы и здесь.

– Здесь?

– Где меньше всего времени. Но, поверьте, его должно хватить.

– Я сидел в этом кресле, – признался я.

– Вот! – вскинул руку священник и, указав на кресло, горестно произнес. – А я строил храм.

– Построили?

– Нет!

– У вас его отняли, – в тон священнику выдохнул я.

Вспомнил о знакомстве с настоятелем церкви, строящейся неподалёку от конторы. По его просьбе выхлопотал у начальства помещение под богадельню. Когда же церковь построили, назначили другого настоятеля.

– О нет! Эти храмы не отнимают – их теряют. Знали бы вы, сколько их здесь пустует!

Кажется, догадался, о чём говорит священник – смогу ли осмыслить?

– А я только и делал, что – думал, – сказал я.

Далеко позади смолкли звуки большого города.

Сначала думал о тех, кого видел – о чём они говорят. И слушая звуки большого города, улавливал мгновения тишины.

Когда же решился и перестал видеть и, вслушиваясь, шёл в темноте, то думал, что она бесконечна.

Но будто прибавили звук, и тишина осветила тьму. И вот снова вижу и слушаю журчание тишины, как неспешно поёт в ней время. Верится, что его должно хватить. Теперь уже не важно, иду или продолжаю находиться в кресле.

И думаю. О кладбище пустующих храмов, заросших словами, где в зарослях слов слова шефа: «...не нашел твоей могилы». О пустующем кресле и умчавшейся на авто Зинаиде, о королеве, плачущей над тронном, и о том, что ещё не умер – в кладбищенской ограде нет моего кресла. Об исчезнувшей площади, об осени, вернувшейся в город, о зачеркнувшем горизонт дожде.

Вдоль реки проносятся люди, похожие на деревья, влекомые бурей. Словно листья, осыпаются фразы: «Привет», «Пока», «Люблю»...

Над рекой – снова город. Я не заметил, как возвратился.

Опали последние листья. Земля покрылась первым снегом. О, я не утратил способности чувствовать запахи – как же пахнут земля, снег и воздух! От лёгкой измороси стало

влажным пальто.

Не нужно уже спешить – достаточно лишь подумать. Подумалось, что не важно, пустует ли кресло.

– А я вот всё думаю, – сказал шеф, – зачем тебе это?

– Да чтобы священник нашёл свой храм! – сказал я с улыбкой.

В этот раз шеф не взглянул на меня как на идиота, а, призадумавшись, неожиданно произнёс:

– Зачем храм, если нет могилы? Где нет меня, там нет ничего.

Вспомнились слова священника:

«Нет ничего».

И это после того, как я показал ему кресло. Подумалось: «Да! Но ведь и я не увидел храм».

После встречи с шефом несколько дней не выходил из дома. В голове было так пусто, что не вспомнил даже о кресле. До того, что чуть не позвал Зинаиду. И понимал, что ещё немного, и она придёт сама. Однако отвлёкся и снова очутился в конторе.

На этот раз шеф заявил, что всё знает и спрашивать больше не будет, но всё равно спрашивал, пока я не понял, что спрашивает о Зинаиде. Когда же я перестал про неё вспоминать, то сразу прекратились расспросы. С тех пор почти не думал и о конторе.

И о доме не думал, так как всецело предался работе. Полгода вообще провёл как в угаре. Помню лишь, что лежал у

ограды. Пальто на мне истрепалось. Я кричал, но не слышал собственного голоса. Мои крики заглушала звенящая тишина. И словно обволакивала, когда замерзал, и успокаивала, когда подступало отчаяние. Помню, всё всматривался в лица прохожих, но их одежды слепили глаза. Всё же порой улавливал на лицах гримасы. Через тишину доносились знакомые звуки. Понимая их значение, всякий раз удивлялся, недоумевая, почему морщатся они, а не я, и отчего у этих нарядных людей такой запах. Как-то среди них узнал священника, несмотря на то, что он был прозрачным. Посмотрев сквозь него и увидев церковь, заорал во всю глотку – так хотелось, чтоб он увидел. Но он не обернулся и, влившись в авто, растворился с ним в воздухе. Помню, как стало жаль его. Как перестала петь тишина. Потом меня засыпали мёрзлой землей. Мужики с лопатой на двоих были сильно расслаблены – едва присыпали и разбрелись. Затем я очнулся дома.

С тех пор везде, где бы ни находился, всегда видел церковь. И, чтобы не думать о ней, отворачивался, всякий раз вспоминая слова шефа о могиле. Церковь не исчезала, и я решил, что она нужна священнику. Невольно думая о могиле, порой оказывался у ограды. Однажды, просочившись сквозь неё, захотел войти и, не обнаружив дверей, не смог пройти через стену – дома и в конторе мне уже давно не нужны были стены. Я спрашивал у находившихся там, но никто меня не услышал. А захотев уйти, не смог ни о чём подумать

– все мысли прикованы были к стене. И просто пошёл. И шёл очень долго, боясь оглянуться. Но не дошёл даже до ограды.

Теперь постоянно ощущал за спиной стену. Я сильнее прижимался к спинке кресла, но и это не помогало. В конторе я спрашивал про священника и про храм, но мне всё рассказывали небылицы о каком-то настоятеле, построившем три церкви. О нём был слышан и прежде, но симпатий к нему не питал, так как именно он некогда потеснил одного знакомого батюшку. Однако слышал и много хорошего. Будучи монахом, он не был женат, следовательно, слухи о брошенных им детях, ловко подхваченные моими коллегами, по меньшей мере несостоятельны. Тем более байки о якобы загадочном убийстве жены. И, конечно, не могло быть и речи о каких-то там трёх любовницах. Видимо, в умах моих коллег количество любовниц непременно зависело от количества построенных храмов. Наверное, я произнёс свои мысли вслух, отчего, вероятно, шеф вдруг вызвался нас познакомить. Однако я попробовал сам. Сосредоточившись, очутился в огромном офисе. На стенах были лики, притягивали взор позолоченные ларцы. В здании было пусто, повсюду пахло свежей краской и тем, чем пахнет в магазинах. Подойдя к продавщице, спросил, могу ли видеть настоятеля. Она посмотрела на моё грязное и потрёпанное пальто и вежливо попросила выйти. Я повторил свою просьбу, и она сказала, что настоятель на каком-то собрании. Тем временем, почувствовав, что стена за спиной приближается и словно

услышав шаги великана, я понял, что, если тотчас не выйти, эти стены дрогнут под мощью моей стены. Но мне не хотелось уйти ни с чем, поэтому, опасаясь, что меня перестанут слышать, поспешил рассказать обо всём если не священнику, то хотя бы тому, кого видел. Слишком торопясь, принялся говорить сбивчиво. Звонящая тишина заглушала слова, и невольно я перешёл на крик. Женщина перепуганно всполошилась, достала какой-то пульт и нажала на кнопку. Послышалось что-то, похожее на сигнализацию, чего я не успел дослушать из-за звонящей в голове тишины. Тут же меня будто катапультировало, и я почувствовал, что покинул то место. Но пока мне было не до того. Я продолжал наблюдать за растревоженной женщиной, вдыхая запахи ремонта, который, по-видимому, совсем недавно был проведён в этом не то офисе, не то магазине. Сидя в своём кресле, я слышал, как женщина дрожащим голосом описывала охранникам мою внешность. По её описанию я выглядел бомжом из подворотни. Припомнив же о шагах за спиной, прислушался.

Звучала поющая тишина. До ограды идти и идти. Но я всё ещё сидел в кресле, спиной прижавшись к стене.

Стена вобрала в себя кресло. И некуда стало присесть, чтоб подумать. Думалось только о том, как идти, но и идти уже было бессмысленно – ограда пропала из видимости. Вслед за креслом исчезли из памяти дом и вместе с ним Зи-

наида. А от стены отвлекали лишь мысли о службе.

Некуда присесть – какое-то время это меня беспокоило, но не то чтобы сильно расстраивало. В конторе кресло всегда было занято, но, в сущности, было ли оно моим?

Отвлекло неотложное дело; работа – это всё, что осталось; не то, о чём думалось, но хоть что-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.